

Лит. Россия, 1980, 5 серия.

...МЫ НОЧЕВАЛИ на Поле. Легли вповалку на полу в служебной комнате Андрея Анисимовича и долго говорили... В обыденности об этом всем нам приходится размышлять не часто, нужны особые, пронзительные и располагающие моменты, чтобы не умом рассуждать, а сердцем и памятью чувствовать и понимать то вечное и вечное изначальное, из плоти и духа чего мы, в сущности, состоим и всякое обращение, всякое чувство к чему относимся тем не менее из какой-то внушенной нам ложной стыдливости высокопарным или излишним. Мы говорили о России, о Родине нашей, и судьбах ее, прошедших и грядущих... и где, как не здесь, было об этом говорить?!

...Среди ночи я вышел на улицу — небо сияло в такой ослепительной и яркой звездной красоте, что нельзя уже было поверить в сырой и ненастный вчерашний день. Деревни вокруг Поля, напротив, пригасли, редкие огоньки в них были слабыми и казались звездными отблесками. Степь, ровно и таинственно освещенная небом, лежала в

ПОЛЕ

размытом мерцании. Было тихо, но ночная тишина имеет немало значений — так и теперь: поднимешь голову вверх — услышишь многоголосый и свободный, празднично и буйно творимый звездами звон, а опустишь глаза, глянешь понизу в степную даль — и безмолвие, сон, покой. Но стоит задержать внимание на степи подольше, и просыпается, организуется, начинает звучать жизнь теперь уже здесь, точно степи вдруг удалось взять свой верх над небом.

Только небо и степь. Только вставшие друг против друга небо и степь, ведущие давнюю и уж, конечно, не бессмысленную борьбу ли, игру ли во имя оное — больше ничего. Больше ничего вокруг. И не понять, не рассудить, небу или земле принадлежат памятники Поля Куликова, повисшие, кажется, в воздухе и пытающиеся, кажется, соединить то и другое.

Я пошел мимо храма и по липовой, безжизненной сейчас аллее поднялся на Крас-

КУЛИКОВО

ный Холм к памятнику. Удивительно, как быстро и незаметно, будто разделяют они с нами одну беспокойную страсть, подхватывают эти старые рукотворные памятники в честь воевод Куликовской битвы свое слабое, едва теплящееся чувство и, оживив и наполнив его, награждают редкой способностью внимать тому, что не имеет твердой плоти и живого гласа. И снова, кажется, услышишь в ночи глухую поступь сотен и тысяч лошадей, различаешь, напрягшись, скрытое движение, чувствуешь, как замерла в тревоге и напряжении степь, — и только после уж, завершая картину, чьим-то вещим духом напомним блоковские слова:

*Мы, сам-друг,
над степью
в полночь стали:*

*Не вернуться,
не взглянуть назад.
За Неправдой лебеди*

*И опять, опять они
кричали,
кричат...*

Снова тишина. И снова движение и шум, но на этот раз настолько слабые, что едва напинают вспорхнувшую стайку самых маленьких ночных птиц, почуявших чужое присутствие. Приходится сильно напрягаться, чтобы в волнении воздуха не столько услышать, сколько угадать сухие и колеблющиеся, переливающие друг друга голоса... Что они говорят, понять не дано: чувствуешь лишь в их разноголосице то тревогу, то молитву, то надежду.

Небо и степь. Степь и небо. Небо над этой степью знает великую тайну, оно было могучим высшим свидетелем битвы и победы, затем многовекового терпеливого ожидания, и оно стало наконец свидетелем пробуждающей памяти... А что дальше? Степь под этим небом знает великую мудрость, коли в избытке приняла она жертвенный подвиг наших предков во имя... Что оно есть, то окончательное или хотя бы законченное, что составляет смысл этого «во имя»? На-

Валентин РАСПУТИН

сколько идеальным и человеческим будет его результат?

Нет, и шестьсот лет спустя ответственность наша за Поле Куликово и за все то, что символизирует оно собою в России, не ослабла, как не ослабла и не затмилась слава Поля Куликова. Теперь эту ответственность и славу взяли на себя мы.

...Но что, что же все-таки шепчут они, эти невнятные, точно полуистлевшие, голоса, витающие над Полем, что хотя бы сказать и чему научить?

Степь и небо. Небо и степь. Так много, очевидно, ясных ответов там и там, да не для нас, чтобы свою судьбу мы сполна прошли сами.

Вспомнился опять Блок, сказавший о Куликовской битве: «Таким событиям суждено возвращение».

Он был великим поэтом. Будем надеяться, что он окажется неудачным прорицателем. Нам достанет уже обретенных ратных святых.